

СОЧИНЕНИЯ ЕВСЕВІЯ ПАМФИЛА,

ПЕРЕВЕДЕННЫЯ СЪ ГРЕЧЕСКАГО

ПРИ

САНКТПЕТЕРБУРГСКОЙ

ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ.

ТОМЪ II.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ Е. ФИШЕРА.

1849.

Made in USSR.

C 654.36 (2)

✓

Отъ С. Петербургскаго Комитета Духовной Цензуры печатать
позволяется. С. Петербургъ, Декабря 10 дня 1848 года.

Цензоръ Архимандритъ Аввакумъ.

Keller

ЕВСЕВІЯ ПАМФИЛА

КНИГА О ПАЛЕСТИНСКИХЪ МУЧЕНИКАХЪ ¹⁾.

Содержание: Предисловіе. I. О мученикахъ — Прокопій, Алфель и Закхея. II. О римскомъ мученикѣ. III. О Тихоѳеѣ, Агапітѣ, Феклѣ и другихъ осмѧ мученикахъ. IV. О мученикѣ Анѓіапѣ. V. О мученикахъ. Улпіанъ и Эдессій. VI. О мученикѣ Атанії. VII. О єдлью Феодосію и мученикахъ Домнинѣ и Алексентії. VIII. О другихъ исповѣдникахъ, также о мученичествѣ Валентины и Павла. IX. О возобновленіи гоненія съ большою жестокостію въ мученикахъ — Акакіоніи, Зебинѣ, Германіи и другихъ. X. О подвижнику Петрю, Асклепіопѣ, Маркіоніи и другихъ мученикахъ. XI. О Намфила и другихъ дев'ятнадцати мученикахъ. XII. О предстоятеляхъ Церкви. XIII. О Сильваніи, Іоаннѣ и другихъ тридцати дев'ята мученикахъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Быль девятнадцатый годъ Діоклітіанова царствованія, мѣсяцъ Ксантикъ ²⁾, у Римлянъ на-

¹⁾ Эта книга въ греческихъ изданіяхъ сочиненій Евсевія Памфилы прилагается къ осмѧй книгѣ Церковной Исторіи его, въ видѣ дополненія. Но хотя она дѣйствительно служить дополненіемъ означенной книги, какъ по своему содержанію, такъ и по окончательнымъ словамъ: «надобно описать произшедшую въ нихъ (цахахъ) перемѣну»—которыми ясно указывается на девятую и десятую книги Исторіи; однакожъ Евсевій смотрить на нее, какъ на отдельное сочиненіе, и заключаетъ ее обыкновенно формулою: «конецъ книги Евсевія Памфилы о палестинскихъ мученикахъ».

²⁾ По словамъ Евсевія въ Церковной Исторіи (кн. VIII. гл. II) указъ о разрушеніи Церкви вышелъ въ мѣсяцѣ Дистрѣ, соответствующемъ Марту, а не въ Ксантикѣ. Но онъ подписанъ быль и распространенъ сперва въ Никомидіи, гдѣ тогда находился самъ Царь, следовательно до Палестины долженъ быль дойти позднѣе.

зываємий Апрѣлемъ, когда предъ наступлениемъ праздника спасительныхъ страданій, при правительѣ палестины Флавіанѣ, вдругъ вездѣ появились граматы, предписывавшія—церкви разрушать до основанія, книги истреблять огнемъ, у (Христіанъ), облеченныхъ достоинствами, отнимать эти преимущества, а людей частныхъ, если они будутъ оставаться въ христіанствѣ, лишать свободы. Таковъ былъ смыслъ первого противъ насъ указа. За нимъ вскорѣ послѣдовали и другие, которыми повелѣвалось—вездѣ и всѣхъ предстолей Церкви сперва заключать въ узы, а потомъ всячески принуждать къ принесенію жертвы (богамъ).

ГЛАВА I.

О мученикахъ Прокопіѣ, Альфонсѣ и Захаріѣ.

Но силь этого предписанія, въ Палестинѣ первымъ мученикомъ является Прокопій ¹⁾). Не исстыдавъ еще заключенія въ темницу, онъ предсталъ на судъ проконсульскій и, тогчась-же, при первомъ своемъ появлепіи, выслушавъ приказаніе принести жертву такъ-называемымъ богамъ,

¹⁾ Прокопій, по мѣstu рожденія, іерусалимлянинъ, жилъ въ Скілоналисѣ, гдѣ былъ чтецомъ и заклинателемъ. Такъ-какъ въ церкви Священное Писаніе читалось на изыкѣ греческомъ, для народа мало понятномъ; то Прокопій передавалъ его народу по-спирски. Здѣсь-то взять онъ былъ и привезенъ въ Кесарію. По греческимъ мінеямъ, память его празднуется въ 8 день іюльской иды.

отвѣчалъ, что знать только одного, которому на-
добно приносить жертву, какъ Онъ самъ того
хотеть. А когда ему повелѣвали сдѣлать возлія-
ніе четыремъ царямъ,—онъ произнесъ слѣдую-
щія, не нравившіяся имъ слова поэта:

Нѣть доброго таинъ, гдѣ многое господъ;
Пусть будетъ одинъ господинъ, единственный царь,

и произнесши ихъ, былъ обезглавленъ. Это слу-
чилось осьмаго числа мѣсяца Десія, или, какъ
говорится у Римлянъ, за семь дней до іюньскихъ
календъ, въ четвертый день субботы ¹⁾). Такъ
совершилось первое мученичество въ Кесаріц
палестинской. Послѣ сего въ томъ-же городѣ
съ готовностію претерпѣли жестокія мученія и
зрители показали примѣры великихъ подви-
говъ веема многіе епископы той области; на-
противъ, другіе, отъ страха оцѣненіи душою,
тотчасъ, при первомъ нападеніи, ослабѣли. Изъ
прочихъ-же каждый подвергался преемственно
различнаго рода пыткамъ: то нереносиль безчи-
сленные удары бичами, то терпѣмъ колесованіе
и строганіе реберъ, то стагиваемъ былъ невы-
носимыми узами, отъ которыхъ цные не могли
уже послѣ владѣть руками. Не смотря однакожъ
на то, всѣ они достигли кончины, согласной съ
неизреченнымъ судомъ Божіимъ. Одинъ былъ
отпущенъ, какъ будто бы совершилъ жертво-

¹⁾ Здѣсь, подъ словомъ суббота, разумѣется недѣля, или сед-
мица. Обычай называть недѣлю субботою древніе Христіане замі-
ствовали отъ Іудеевъ.

приношениe, тогда какъ постороннiе, схвативъ его за руки и подведши къ жертвеннику, на-сильно всовывали ему въ правую руку мерзкую и нечистую жертву. Другой даже и не касался ея, но бывшиe тутъ свидѣтельствовали о его жертвоприношениi,—и онъ молча удалялся. Тотъ, взятый полумертвымъ, былъ выбрасываемъ уже какъ мертвецъ и, причисленный къ принесшимъ жертву, освобождался отъ окровъ. Этотъ кричалъ и свидѣтельствовалъ, что онъ не согласенъ на жертвоприношениe: но его били по устамъ; приставленная къ сему толпа заставляла его молчать и выталкивала вонъ, хотя онъ и не приносилъ жертвы. Столь важно было для нихъ добиться (отъ Христiанъ) и одного призыва жертвоприношения. Такимъ образомъ изъ величаго числа (подвижниковъ) только Алфей и Закхей¹⁾ удостоились получить вѣнецъ святыхъ мучениковъ. Послѣ бичеваний и строганий, послѣ тягчайшихъ узъ и происходившей отъ теге боли, послѣ другихъ различныхъ истязаний и растиженія ногъ на деревянномъ орудiи казни до четвертой степени въ продолженiе сутокъ, они не переставали исповѣдывать единаго Бoga и единаго Христа Царя Иисуса, и за то признанные богохульниками, подобно первому мученику, были обезглавлены. Это случилось семнад-

¹⁾ Закхей былъ дiаконъ гадарской Церкви, принадлежавшей къ Скиено-полисской митрополiи.

цатаго числа мѣсяца Дія, или, по римскому счету, за пятнадцать дней до декабрьскихъ календъ.

ГЛАВА II.

О римскомъ мученикѣ.

Равнымъ образомъ достойно памяти, что въ означеный день сдѣлано въ Антіохіи и съ однімъ Римляниномъ. Бывъ родомъ изъ Палестины, по служа діакономъ и заклинателемъ въ кесарійскомъ округѣ, онъ находился здѣсь во время разрушенія церквей. Предъ его глазами множество мужей, женъ и дѣтей толпами подходили къ идоламъ и приносили имъ жертвы. Почитая это зрѣлище невынесимымъ, онъ воспламенился ревностію богопочтенія и, приблизившись къ жертвоприносителямъ, началъ громогласно укорять ихъ. За такую смѣлость взяли его самаго и доставили ему случай явиться мужественнѣйшимъ изъ всѣхъ свидѣтелемъ истины. Когда судія, присудившій его къ сожженію, произнесъ ему смертный приговоръ,—онъ принялъ это опредѣленіе съ удовольствіемъ, съ веселымъ лицемъ, съ совершенною готовностію, и отведенъ быль на казнь. На мѣстѣ казни привязали его къ столбу, обложили во кругъ дровами и, когда люди, долженствовавши зажечь костеръ, ожидали приказанія бывшаго тутъ царя¹⁾,—онъ вскричалъ: гдѣ же для меня огонь?

¹⁾ Разумѣется Галерій, потому-что Діоклітіанъ въ это время находился въ Никомидіи.

Сказавъ это, мученикъ освобожденъ былъ пажемъ отъ назначеннай ему смерти и приговоренъ къ новой казни языка. Вытерпѣвъ мужественно отсѣченіе его, онъ всѣми своими дѣлами доказаль, что сама божественная сила облегчаетъ отъ болѣзни страждущихъ за благочестіе и укрепляетъ ихъ ревность. Узнавъ о новой казни и нимало не устрашившись, сей герой добровольно протянулъ свой языкъ и охотно даль его на отсѣченіе. Принявъ такую казнь, онъ брошенъ былъ въ темницу и, прострадавъ тамъ весьма долгое время, наконецъ въ праздникъ двадцатилѣтняго царствованія императора, когда, по силѣ такъ-называемаго всепрощенія, вездѣ и всѣмъ узникамъ возвѣщасма была свобода,—одинъ только оставался въ своемъ заключеніи, привязанный веревкою къ деревянной доскѣ, на которой обѣ ноги его растянуты были до пятой степени, и украсился вожделѣннымъ мученичествомъ. Хотя (по мѣсту служенія) онъ былъ и иностранецъ, но родившись въ Палестинѣ, долженъ быть причисленъ къ мученикамъ палестинскимъ. Это произошло въ первомъ году (гопенія), когда оно свирѣпствовало только противъ предстоятелей Церкви.

ГЛАВА III.

О Тимоѳѣ, Атанасіи, Феодорѣ и другихъ освѣтихъ мученикахъ.

По наступленіи-же втораго года, когда война противъ насъ возгорѣлась съ болѣшею си-

лою и къ тогдешнему правителю области Урбани посланы были царскія граматы, въ которыхъ заключалось окружное повелѣніе всѣмъ жителямъ городовъ поголовно приносить жертвы и дѣлать возліянія идоламъ,—въ это самое время въ палестинскомъ городѣ Газѣ пострадалъ Тимоѳей. Претерпѣвъ безчисленныя ныtkи и по томъ сожигаемый на маломъ и слабомъ огнѣ, онъ въ своемъ терпѣніи показалъ истинное доказательство истиннаго благочестія къ Богу и получиль вѣнецъ священнопобѣдныхъ подвижниковъ Вѣры. Виѣтъ съ нимъ показали также безтрепетную твердость Агапій и наша Фекла, и были осуждены на съданіе звѣрямъ. Но что послѣдовало за этимъ, то можно-ли слышать и не поражаться? Вотъ язычники отправляютъ всенародный праздникъ и даютъ обыкновенные зрѣлища: вдругъ вездѣ заговорили, что кроме другихъ любимыхъ ими зрѣлищъ, они увидѣть подвигъ Христіанъ, недавно осужденныхъ на жертву звѣрямъ. Между тѣмъ, какъ молва объ этомъ расла и распространялась,—шесть юношей, именно, одинъ по отечеству Понтиецъ, по имени Тимолай, другой уроженецъ Триполиса финикійского, называемый Діонисіемъ, третій иподіаконъ дієсполисской Церкви, котораго звали Ромиломъ, кроме того, два египтянина, Паисій и Александръ, и еще соименный ему Александръ, родомъ изъ Газы,—эти шесть юношей, сперва связали себѣ руки, чтобы показать совершен-

ную готовность принять мученичество; потому побежали къ Урбану, который тогда собирался на охоту, подошли къ нему, и своею рѣшимостью на весь ужасы давая знать, что хвалящіеся върою къ Бога веяческихъ не болтая нападенія звѣрей, исповѣдали себя Христіанами. Приведши этимъ въ немалое смущеніе какъ самаго начальника, такъ и окружавшихъ его, они тотчасъ-же были заключены въ темницу, и чрезъ нѣсколько времени, вмѣстѣ съ присоединенными къ нимъ еще двумя, изъ которыхъ одинъ, по имени Агапій, уже и прежде того за свое исповѣданіе мученья быть жестокими и различными пытками, а другой, называвшійся Діонисіемъ, служилъ имъ по части тѣлесныхъ потребностей,—чрезъ нѣсколько времени все они, восьмь человѣкъ, въ одинъ и тотъ-же день, именно двадцать четвертаго числа мѣсяца Диистра, за девять дней до апрѣльскихъ календъ, были усѣчены въ Кесаріи. Въ то время произошла смѣна царствующихъ лицъ: одно изъ нихъ, занимавшее самую высокую степень власти, и другое, бывшее вторымъ послѣ него, вступили въ разрядъ частныхъ гражданъ. Отъ этого общественные дѣла пришли въ замѣшательство и, не много спустя, междуусобная вражда римскихъ властей воспламенила между Римлянами непримируемую войну. Такое междуусобіе и слѣдовавшія затѣмъ возмущенія не прежде смѣнены были спокойствіемъ, какъ по возвращеніи намъ мира во всей

подвластной Римлянамъ веселой; ибо когда сей миръ, подобно свѣту солнца, возвѣль, будто изъ нѣдръ темной и мрачной ночи, и озарилъ всѣхъ, — дѣла въ римской имперіи немедленно сняты уставы и установились, начали совершаться въ согласіи и тишинѣ,—и Римляне снова соединились чувствами взаимнаго благорасположенія своихъ предковъ. Но обѣ этомъ будемъ говорить подробнѣе въ своемъ мѣстѣ, а теперь перейдемъ къ слѣдовавшимъ за тѣми событиямъ.

ГЛАВА IV.

О мученикѣ Апфіанѣ.

Какъ скоро кесарь Македонъ получилъ вышедшую власть,—тотчасъ, показывая всѣмъ зна-
ки какъ бы врожденного себѣ богоненавидѣнія
и безбожія, воздвигъ противъ насть сильнейшее
гоненіе, нежели какое воздвигали его предше-
ственники. И тогда какъ, волнуясь не малымъ
смущеніемъ, всѣ разсыпались въ разныя сто-
роны, всякий старался избѣжать опасности, и
вездѣ происходило бѣдственное движеніе,—до-
станетъ-ли у насть словъ для надлежащаго опи-
санія той божественной любви, того дерзно-
веннаго исповѣданія Бога, которымъ просла-
вилъ себя блаженный и по-истинѣ непорочный
агнѣцъ, мученикъ Апфіанъ, предъ вратами Ке-
саріи показавшій всѣмъ дивный примѣръ вѣры
во единаго Бога? Не тѣлесному возрасту, ему

не было еще и двадцати лѣтъ. Произведенъ, какъ говорится въ мірѣ, отъ родителей чрезвычайно богатыхъ, онъ, для получения свѣтскаго, греческаго воспитанія, сперва весьма долго находился въ Беритѣ¹⁾ и — странно, въ такомъ городѣ стоялъ выше всѣхъ юношескихъ страстей. Не увлекалась ни цвѣтущимъ состояніемъ тѣла, ни дружбою молодыхъ людей, онъ сохранилъ цѣломудріе, вель себя скромно, благопристойно, благочестиво, и управлялся въ жизни правилами христіанства. А если нужно упомянуть и объ отечествѣ его, и превознести похвалами городѣ, бывшій мѣстомъ рожденія столь мужественнаго подвижника благочестія,—охотно сдѣлаемъ и это. Сей юноша проходилъ, если кто знаетъ, изъ немаловажнаго ликійскаго города Паговъ²⁾). Окончивъ воспитаніе въ Беритѣ, и не обращая вниманія на то, что его отецъ занималъ первое мѣсто въ отечествѣ, онъ не въ состояніи былъ жить ни съ нимъ, ни съ своими родственниками, потому что жизнь по правиламъ благочестія не казалась имъ жизнью,—но какъ бы обладаемый Духомъ Божіимъ и подъ вліяніемъ естественнаго, а еще больше

¹⁾ Беритѣ—городъ въ Финикии, принадлежавшій къ антіохійской патріархіи и въ древности славившійся училищемъ правовѣдения. Greg. Naz. сагш. Nicob. ad Nîm.

²⁾ Имя этого города почитаютъ искаженнымъ переписчиками; потому что въ Ликіи не было Паговъ, а была Аракса, котораго епископы присутствовали на соборахъ. Имя Араксы близко къ названию *акрука*, въ некоторыхъ спискахъ столицему выѣтъ *акуа*.

духовного и истинного любомудрия, вознося свои мысли выше мнимой славы въка и тѣлесныхъ удовольствій, тайно убѣжалъ изъ родительскаго дома. Исполненный надежды и вѣры въ Бога не думалъ онъ о ежедневныхъ средствахъ существованія и, водимый Духомъ Божіимъ, пришелъ въ городъ Кесарію, гдѣ приготовленъ былъ для него вѣнецъ мученичества за благочестіе. Обращаясь здѣсь съ нами и въ короткое время, сколько можно болѣе укрѣшившись словомъ Божіимъ, онъ получилъ рѣшимость мужественно вступить на поприще надлежащихъ подвиговъ и достигъ вожделѣнной кончины. Кто, видя его, не былъ пораженъ изумленіемъ? или кто, слыша о немъ, не удивлялся его смѣлости, дерзновенію, твердости, а особено его рѣшимости и предпріимчивости, служившей признакомъ ревности на благочестію и свидѣтельствомъ дѣйствительно вышечеловѣческаго духа?

Когда въ третьемъ году вездѣгнутаго на насъ гоненія Максимианъ вторично объявилъ намъ войну и въ первый разъ разослалъ указы, чтобы попечительность и заботливость городскихъ правителей располагала всѣхъ поголовно къ принесенію жертвъ, когда глашатаи, ходя по всей Кесаріи, именемъ префекта призывали въ идолъскія капища мужей, женъ и дѣтей, и когда, сверхъ того, тысяченачальникъ наименовывалъ каждого по списку, — въ это бурное время не

выразимыхъ и отсюду скоплившихся бѣдствій упомянутый юноша, никому не объявляя свое го намѣренія, таясь даже отъ насъ, жившихъ съ нимъ въ одномъ домѣ, и скрываясь отъ военной стражи, окружавшей префекта, безтрепетно подходитъ къ Урбану, который тогда совершилъ возліяніе, и неустранимо вѣялъ его за руку, тотчасъ останавливаетъ дѣйствіе жертво-приношенія. Мало того,—онъ, съ видомъ нѣкого божественнаго представительства, благоразумно увѣщаваетъ префекта отвергнуть заблужденіе; потому-что не хорошо, оставивъ единаго истиннаго Бога, приносить жертвы идоламъ и демонамъ. Это дѣлалъ юноша, по всей вѣроятности побуждаясь силою Божіею, которая чрезъ сей поступокъ почти явно возвѣщала, что истинные Христіане, удостоившіеся однажды принять въ себя Духа благочестія и любовь къ Богу всяческихъ, весьма далеки отъ измѣнчивости, что они не только стоять выше угрозъ и послѣдующихъ затѣмъ мученій, но угрозами и мученіями еще болѣе возбуждаются къ благородному и безтренетно - свободному слову, такъ что, если возможно, и самыхъ гонителей увѣщиваютъ оставить свое невѣжество и признать единаго истиннаго Бога. Въ-слѣдъ за симъ юноша, о которомъ цѣль рѣчь, окружавшими префекта воинами, будто дикими звѣрями, тотчасъ же былъ схваченъ и, за дерзновенный поступокъ мужественно вытерпѣвъ отъ нихъ тысячи уда-

ровъ, немедленно заключенъ въ темницу. Пресидѣвъ тутъ около сутокъ съ растянутыми на деревянномъ орудіи казни ногами , на другой день онъ приведенъ былъ предъ судію. Здѣсь заставляли его принести жертву; но, несмотря на боль и страшныя мученія, онъ показалъ всевозможную твердость. Не однажды, не дважды, а многократно строгали ему бока до самыхъ костей и внутренностей , а по лицу и по шеѣ били до того, что лицо его распухло , и люди, которымъ онъ былъ извѣстенъ веcьма хорошо, теперь не могли узнать его. Но при всемъ томъ мученикъ не сдавался. Тогда мучители, по приказанию судіи, обвязали ему ноги напитанными масломъ трапками и зажгли ихъ. Какія блаженныі юноша терпѣль отъ этого страданія, — кажется, нельзя изъяснить никакимъ словомъ. Истлевъ его плоть , огонь прошелъ до костей ; такъ что растапливала влага его тѣла и выступала каплями на подобіе воска. Однакожъ страдалецъ и тутъ не уступилъ , но такъ-какъ сами противники были уже побѣждены и, смотря на выщечеловѣческое его терпѣніе , отступили,—опять былъ заключенъ въ узы. Наконецъ приведенный предъ судію въ третій разъ , онъ снова произнесъ тоже исповѣданіе и уже полу-мертвый утопленъ въ морѣ. Что-же произошло тогачъ послѣ сего? Словамъ , конечно , толь не повѣрить, кто не видѣлъ события собственными очами. Но , сколь ни совершенно знае-